

Дин Тянь унаследовал всё имущество своей ветви рода Дин: и скопленные деньги, и землю, и усадьбу.

Дом у него был добротный — три просторные комнаты из серого кирпича под черепичной крышей, по бокам примостились два флигеля, а вокруг раскинулся просторный огород му в пять, где росли два абрикосовых дерева и одна слива.

У северного забора, в самой глубине огорода, приютились свинарник, курятник, утиные садки, крольчатник и загон для скота.

Вот только из всей былой живности — кур, уток, гусей да свиней — остался при доме лишь старый дворовый пёс. Остальную скотину и птицу прибрали к себе вторая и третья тётушки, чтобы выходить. Пока тянулся глубокий траур, Дин Тянь не притрагивался к скоромному, и заботливые тётки то и дело приносили племяннику всякие кушанья из яиц, а излишки продавали, покупая ему на вырученные деньги постную, но сытную снедь, дабы тот хоть немного восстановил силы.

Теперь же, когда траурный срок наконец истёк, можно было со спокойной душой разговестись и вволю наесться мяса.

Самому Дин Тяню такая деревенская жизнь была по душе. Он и в детстве, в своей прошлой жизни, рос в похожих заботах: сам сажал овощи, сам их и ел. Это уже потом... всё приходилось покупать на рынке, понятия не имея, какими химикатами поливали эти грядки. Зажмуришься — и ешь на свой страх и риск.

Двух семейных волов второй и третий дяди тоже увели к себе во двор, оставив племяннику лишь пару поросят — исключительно ради того, чтобы парень не маялся от безделья.

Вдобавок за Дин Тянем числилось пятьдесят му земли.

Пашня была неполивной, сеяли там в основном пшеницу да чумизу. Поскольку в здешних краях Дин Тянь занимал должность главного тюремщика, то есть кормился от государевой казны, его наделили податным иммунитетом. Налоги с земли платить не требовалось, так что весь собранный урожай оставался в его полном распоряжении — чистая прибыль.

Вот только пока Дин Тянь соблюдал сыновний долг, сам он был слишком юн, так что все пятьдесят му возделывали его дядья. Теперь, когда траур окончился, пришло время возвращать землю законному хозяину. Но прежде следовало разузнать, что парень решит с ней делать.

Весна стояла на пороге, пора было закупать семена и пахать пашню, чтобы с первыми теплыми дождями бросить зерно в землю.

— Если не хочешь сдавать её внаём, пусть дядья и дальше обрабатывают, — предложила третья

тётушка. Земли у неё в хозяйстве хватало, к тому же они нанимали батраков, так что вспахать надел племянника им не стоило никакого труда — мимоходом бы управились.

— Я понял, тётушка, надо обмозговать, — кивнул Дин Тянь. Покончив с завтраком, он поднялся из-за стола, чтобы размяться, а заодно пройтись по двору.

Прежний хозяин этого тела, не выдержав позора от расторгнутой помолвки и людского наговора, скончался на месте от разрыва сердца. Да и само тело за годы строгого траура изрядно истощалось — ни капли былой крестьянской удали в нём не осталось. Дин Тянь прекрасно понимал: его первейшая задача — вернуть себе былую крепость.

Очнувшись в новом мире, он не стал устраивать истерик, не плакал и не проклинал судьбу, а вёл себя на удивление тихо. Здоровье — это главный залог успеха. Если занедужишь, то даже горы золота и блестящее будущее не принесут радости.

Браться за соху самому не имело никакого смысла. Мало того что пареньку едва исполнилось пятнадцать лет, так он ещё и в крестьянском труде ничего не смыслил. Одно дело — развлекаться на экоферме в выходные, и совсем другое — гнуть спину в поле круглый год. Реши он кормиться с земли собственноручно — точно протянул бы ноги с голодухи.

К тому же должность главного тюремщика казалась ему отличным вариантом — дело-то привычное. В прежней жизни он грезил о службе в уголовном розыске, но не прошёл медкомиссию из-за недостаточной физической подготовки.

Зато теорию он сдал блестяще, так что руководство училища без лишних проволочек распределило его в исправительную колонию — надзирателем.

Третья тётушка прибрала со стола посуду и забрала скопившуюся стирку. Нижнее бельё Дин Тянь, разумеется, из скромности стирал сам, втихаря, а вот с остальным платьём приходилось докучать заботливым родственницам.

Стоило третьей тётушке скрыться за порогом, как во двор вошла вторая тетушка вместе со своей старшей дочерью — двоюродной сестрой Дин Тяня, Дин Гуйхуа.

Девочке шёл тринадцатый год, она была первенцем в семье второго дяди. В современном мире тринадцатилетняя девчонка — обычная школьница, которой родители и учителя прожужжали уши об учёбе и строго-настрого запретили заглядываться на мальчиков. Здесь же тринадцать лет считались возрастом вполне девическим, когда уже пора приглядывать жениха. Правда, из-за скандала с помолвкой Дин Тяня его вторая тётушка отложила сватовство дочери — все силы уходили на то, чтобы выходить захворавшего племянника.